

ОТЗЫВ

председателя диссертационного совета о диссертации
Исаенко Романа Андреевича:
**ОБРЯД ЭВОКАЦИИ В ДРЕВНЕРИМСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ И
ЭПИГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ,**
представленной на соискание ученой степени
кандидата филологических наук по научной специальности
5.9.7. — классическая, византийская и новогреческая филология.
Научный руководитель – д.ф.н., профессор М. М. Позднев
(Санкт-Петербург, 2023; 167 с., библиография 107 наименований)

Диссертационная работа Романа Андреевича Исаенко посвящена **актуальным** вопросам источниковедения и анализу представлений древних римлян о покровительстве божества, об оставлении противника без такого покровительства, а также вопросам кодификации обрядов, так или иначе связанных с эвокацией.

Диссертация делится на Введение, 9 глав и Заключение. Каждая из глав посвящена разбору конкретного исторического примера. Так рассмотрены осада Вей, Фалерий, Вольфсиний – городов, подчиненных в период IV в. до н. э., а также Карфагена, Старой Исавры и Иерусалима, подчиненных значительно позже. Если Карфаген был стерт с лица земли в 146 г. до н. э., то разрушение (частичное, коснувшееся только Храма и не предусматривавшее запахивания города) Иерусалима относится уже к I в. н. э., когда обрядовые практики прошли период рационального подхода, связанного сперва с жреческой деятельностью Цицерона, а затем с возрождением архаических культов и традиционных ценностей при императоре Августе. Автор на с. 25 приводит единственный аргумент против гипотезы «М. Бирд, Дж. Норта и С. Прайса, считающих, что ритуал претерпел изменения со временем», поскольку она «оставляет неясными причины, в силу которых эти изменения могли произойти». Этот аргумент звучит так: «Ритуалы склонны к тому, чтобы сопротивляться переменам, а их постоянство служит залогом их действенности: исполнителями ожидается, что повторение одних и тех же

действий, слов и жестов должно произвести один и тот же результат, а отклонение от них способно повлечь непредвиденные последствия». Я считал бы более правильным не исключать эволюцию ритуала, но тем не менее соглашусь, что рассматривать эти семь случаев в совокупности возможно, в отличие от «Энеиды», с текста которой автор начинает свое исследование, выходя далеко за рамки географических координат и хронологических рамок. С его точки зрения Вергилий просто отражает то, что исповедовали римляне в ходе своей истории.

Автор не всегда достаточно ясно формулирует свое понимание текста. Приведем пример, с которого начинается глава 2:

*Excessere omnes adytis arisque relictis
dī, quibus imperium hoc steterat; succurritis urbi
incensae. moriamur et in media arma ruamus.*

«Все боги, благодаря которым стояло это государство, ушли от покинутых святилищ и алтарей. Город, на помощь которому вы спешите, охвачен пламенем – так ринемся же в гущу сражения и погибнем».

Представляется не всегда достаточно аргументированной полемика диссертанта с Н. Хорсфоллом, который резонно понимал *adytis arisque relictis* как *abl.abs.*, то есть «все боги, на которых держалась эта власть (= военная сила) ушли, оставив святилища и храмы». Р. А. Исаенко переводит *imperium hoc* как если бы стояло *res publica* («боги, благодаря которым стояло это государство»). Боги, согласно его толкованию, должны отбежать от собственных алтарей. При этом аблатив понимается как «разделительный («ушли прочь от заброшенных святилищ и жертвенников») или даже каузальный («ушли, потому что святилища и жертвенники заброшены»)). Предположение, которое этому предшествует («как покажут приводимые ниже параллели, подразумеваемым при причастии *relictis* деятелем могут быть не сами боги, а их почитатели») наталкивается на возможное возражение, основанное на том, что Вергилий постоянно подчеркивает троянское богопочитание и благочестие. Думаю, что отчасти такое

недопонимание связано с недостаточным присутствием литературы на русском языке: именно здесь книга "Эней – человек судьбы" была бы как нельзя более кстати. Перевод последней строки данного отрывка опять неточен и излишне многословен: «Город, на помощь которому вы спешите, охвачен пламенем – так ринемся же в гущу сражения и погибнем» (*succurritis urbi / incensae. moriamur et in media arma ruamus*). «В гущу сражения» по-русски не исключает использования копий (которые для римлян оружие наступательное – *tela*), в то время как в латинском тексте стоит указание на оборонительное оружие (*arma*), то есть речь идет о рукопашной битве. Легкость, с которой автор диссертации меняет местами два глагола, превращает для троянцев полный драматизма выбор в банальное «ринемся в бой и погибнем» вместо стилистически более маркированного призыва «давайте (пусть) умрем, а кинемся в рукопашную».

Автор вслед за Джорданом уверен (с. 29) «что божествам, согласно античным представлениям, вообще свойственно покидать гибнущие города». Без попустительства божества, как мы знаем еще из Гомера, победы не бывает, но столь обобщенная формулировка не кажется отражающей реальность. Рецензент не смог вспомнить примеров, относящихся к историческому времени для Афин или для городов, взятых Александром Македонским.

На той же странице: «может показаться невозможным, чтобы Вергилий атрибуировал ахейцам проведение ритуала, который источники представляют исключительно римским...». Откуда исключительная римскость ритуала, если всем было известно похищение Палладия, как одно из условий взятия Трои.

На следующей странице корабли с изогнутым килем (*curuis ... carinis*) почему-то оказываются «с изогнутыми бортами». На той же странице при переводе комментария Сервия (*In Aen. 2, 178*) опущено *nam*: «Вергилий упомянул римский обычай: если римляне, выступив в поход, сражались неудачно, они возвращались обратно для повторного получения знамений». В результате объяснение теряет объяснительную силу.

Автор уверен, что ««Энеида» ставит перед собой определенную идеологическую цель: представить недавно установившуюся Римскую империю полноправной преемницей троянского наследия». К сожалению, диссертант не знаком с литературой, посвященной Троянской легенде в Риме, в становлении которой чрезвычайно велика роль Сицилии. Во всяком случае, подчеркивать «Религиозную преемственность между Энеем и Августом» мне представляется немного неосторожным, поскольку мы знаем больше о религиозности Анхиза, нежели самого Энея.

Задача рецензента — указать на те особенности работы, которые могут быть восприняты как недостатки, поскольку защита кандидатской диссертации представляет собой важный этап, после которого, предполагается дальнейшая исследовательская деятельность диссертанта. Именно поэтому я позволю себе задержаться на еще одной интерпретации (с. 33–34), на этот раз касающейся трагедии Еврипида «Троянки» (23–27):

Ἐγὼ δέ – νικῶμαι γὰρ Ἀργείας θεοῦ,
Ἴφρας, Ἀθάνας θ', αἱ συνεξεῖλον Φρύγας –
λείπω τὸ κλεινὸν Ἴλιον βωμούς τ' ἐμούς·
ἐρημία γὰρ πόλιν ὅταν λάβῃ κακή,
νοσεῖ τὰ τῶν θεῶν οὐδὲ τιμᾶσθαι θέλει.

«Поскольку я побежден аргосскими богинями Герой и Афиной, которые сообща истребили фригийцев, я покидаю славный Илион и мои жертвенники: когда бы бедственное опустошение ни охватило город, достояние богов несет ущерб и часто лишается почитания».

Диссертант не увидел, что аргосская богиня стоит в единственном числе и сделал Афину аргосской богиней, хотя с Аргосом была связана именно Гера. Если бы диссертант посмотрел хорошее издание Еврипида, он бы обнаружил отсутствие запятых между Герой и аргосской богиней, а также Афиной. Более того, разночтения в рукописях и здесь дают θεῆς вместо θεοῦ. Как можно видеть, ни в античности, ни в средние века, ни в новое время предполагать связь Афины с Аргосом никому не приходило в голову. В

приведенном переводе мне не нравится «несет ущерб» νοσεῖ τὰ τῶν θεῶν и «часто лишается почитания» οὐδὲ τιμᾶσθαι θέλει. Никакой частотности в греческом тексте нет, зато присутствует бесповоротное отсутствие.

Вывод «исход богов из обреченного города представляет собой достаточно распространенный мотив в античных описаниях осад» представляется несколько поспешным, поскольку из бесчисленного числа осажденных городов автор смог набрать только 7 примеров разной степени убедительности, но диссертант абсолютно прав в том, что такие «действия ... не были составной частью регламентированного ритуала, который римские полководцы или понтифики исполняли и во время множества других осад». Удивляет отсутствие специального упоминания о полисных богах, богах покровителях места (единожды на с. 53 упоминается Афина Полеада. В диссертации нет упоминаний о параллелях с древневосточными культурами, даже там, где речь идет о гадании по печени (с. 22). Между тем, такие параллели специально изучались в отечественном антиковедении, например в трудах Вяч. Вс. Иванова.

Специально стоит отметить отсутствие статьи А. Е. Кузнецова о ранней топонимии Рима, связанной с царем Эвандром, об отсутствии статей Э. Перуцци о возможных греческих и итальянских контактах микенского времени.

Отсутствие начитанности в литературе на русском языке сказывается в появлении неожиданных русских слов, например, прилагательного **тускский** («По миру рассеяны и тускские изваяния, которые, несомненно, производились в Этрурии» — с. 86). В российском антиковедении принято использовать только прилагательное этрусский, хотя в латинской традиции присутствуют обе формы. На с. 94 латинское *felix* переведено словом «блаженный», при том, что этот эпитет известен в приложении не только к Антонину Пию, но и к Сулле. Встретить выражение «Блаженный Сулла» на русском языке невозможно, а по поводу «счастливого Суллы» есть исследование Е. Г. Рабинович.

Передача имени Эскулапа как Эскулапий (с. 10 и далее) также недостаточно согласовано с русской традицией. На с. 21 имеет в виду Цихорий.

Среди других неудач перевода отмечу на с. 97 «затем кровопролитие стало вездесущим» вместо «убийства стали повсеместными». На с. 108 сообщается, что «границы провинции Киликия могут быть очерчены с помощью речи Цицерона».

Подводя итоги, следует сказать, что автор проделал значительную работу, собрав воедино свидетельства об эвокации и попытавшись восстановить отдельный ритуал и «универсальную модель эвокации» (с. 23). То, что не удалось доказать существование укорененного в римской культуре ритуала, не значит, что исследование было напрасным. Отрицательный результат в науке имеет свою ценность, а методы, которыми получены выводы, свидетельствуют об интересе автора к выбранной теме и о вкусе к несколько своеобразному анализу письменных источников. Мне казалось бы уместным рассматривать эвокацию на более широком фоне перемещения божества. В этом случае, как я пытался показать в нескольких работах, можно наблюдать определенное единство взглядов на очень широких территориях. Так, напомним, на обладание похищенным палладием претендовали 13 городов, а само похищение палладия мыслилось как важная веха в истории Троянской войны.

Перечисленные недостатки, включая неточности формулировок, не препятствуют общей положительной оценке проведенного исследования.

В качестве рекомендаций на будущее хочу отметить необходимость более широкого использования лингвистических и литературоведческих исследований, чтобы уравновесить наблюдаемый в настоящее время крен в историю религии.

Диссертация Исаенко Романа Андреевича на тему «Обряд эвокации в древнеримских литературных и эпиграфических источниках» является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение научной задачи, имеющей значение для развития классической филологии в

Российской Федерации, где в настоящее время наблюдается недостаток высококвалифицированных филологов. Тем самым диссертация Исаенко Романа Андреевича на тему «Обряд эвокации в древнеримских литературных и эпиграфических источниках» имеет определенное значение для гуманитарного развития страны.

Актуальность диссертации, рассматривающей выбор писателем лексических средств, в настоящее время не может ставиться под сомнение. В современной России изучение языка и стиля отдельных писателей находится в бедственном положении, которое необходимо исправлять. С этой точки зрения рассматриваемая диссертация исключительно актуальна и восполняет пробел в существующих исследованиях. Стилистический анализ лексики представляет собой важную задачу, обладающую всеми признаками **новизны** даже в синхронном плане, а определение семантического наполнения слова и его стилевых особенностей в разные периоды истории латинского литературного языка требует сверх того реконструкции целого культурного слоя.

Содержание диссертации Исаенко Романа Андреевича на тему «Обряд эвокации в древнеримских литературных и эпиграфических источниках» полностью соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 19.11.2021 № 11181/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», а соискатель Исаенко Роман Андреевич заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по научной специальности 5.9.7. Классическая, византийская и новогреческая филология. Нарушения пунктов 9 и 11 указанного Порядка в диссертации не установлены.

Председатель диссертационного совета
Доктор филологических наук, академик РАН
научный руководитель ИЛИ РАН,
профессор СПбГУ

23 апреля 2024 г.

Н. Н. Казанский